

Britt Marling

Ты будешь моей
Игра без правил

Britt Marling

Ты будешь моей: Игра без правил

«Литнет»

2026

Marling B.

Ты будешь моей: Игра без правил / В. Marling — «Литнет», 2026

Она боится доверять. Он привык побеждать. Но любовь не терпит правил. Маргарита Ветрова — та самая «железная леди» с матана, о которой шепчутся на всех курсах. Она не ходит на вечеринки, не замечает парней и живёт в библиотеке, прячась от мира за формулами. Никто не знает, что за этой маской скрывается девушка, которую предали, унизили и едва не сломали. Она поклялась себе: больше никаких мужчин. Никаких обещаний. Никакой боли. Денис Ковалевский — всё, чего она боится. Наглый, уверенный, красивый до головокружения. Сын олигарха, звезда университета и музыкант, который никогда не слышал слова «нет». Когда друзья бросают ему вызов — за месяц сделать «неприступную» Маргариту своей, — он соглашается. Легкая победа, очередное пари, очередная игрушка. Но с первого же взгляда она даёт ему отпор. Её ледяные глаза, острый язык и запах страха, который она так тщательно прячет, заставляют его забыть о споре. Он хочет узнать её. Понять. Защитить. Она начинает верить. Она позволяет ему коснуться себя. Она отдаёт ему самое сокровенное — свою боль, свою девственность, свою душу. А потом правда о пари разбивает её вновь. «Ты поспорил? Всё это время... это была игра?» Она уходит, оставляя его в руинах собственной лжи. Но Денис не привык проигрывать. И теперь он готов бороться не за победу, а за её сердце. Он будет ждать под дождём, стоять под её окнами, доказывать каждый день, что любовь — это не пари. Это выбор. Сможет ли она снова довериться? И сможет ли он искупить свою ошибку, когда цена прощения — их общее будущее? Внимание: книга содержит откровенные сцены, эмоциональные качели, мужчину-собственника и хэппи-энд, который заслуживают только самые сильные.

© Marling B., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Там, где лёд встречается с огнём	6
Глава 2. Мальчик, который не умел проигрывать	8
Глава 3. Слабость, которую нельзя показать	10
Глава 4. Кофе, который пахнет надеждой	14
Глава 5. Прикосновение, которое обожгло	17
Глава 6. Первый шаг к тебе	19
Глава 7. Голос в темноте	22
Глава 8. Поцелуй, который разбил тишину	24
Глава 9. Там, где умирают мечты	27
Глава 10. Дождь, который смыл всё	30
Глава 11. Дружба, которая пахнет надеждой	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1. Там, где лёд встречается с огнём

Она не хотела идти в университет. Она вообще не хотела выходить из дома — зачем, если за окном моросит октябрьский дождь, а в мире есть только формулы и тишина библиотеки? Но Рита заставила себя. Она всегда заставляла, потому что если бы она слушала себя, она бы никогда не вышла.

В подъезде пахло сыростью и кошачьей мятой. Она спустилась по лестнице, натянула капюшон и шагнула в серый, мокрый мир. Город дышал холодом, и она вдохнула этот холод полной грудью, чувствуя, как он обжигает лёгкие. Хорошо. Хоть что-то, что заставляет чувствовать себя живой.

Университет встретил её привычным гулом — голоса, смех, топот ног по лестнице. Рита прошла через турникет, не поднимая глаз. Она знала эту дорогу наизусть: через вестибюль, мимо доски объявлений, налево, вверх по лестнице. Там, на втором этаже, будет её аудитория. Там она сядет на последнюю парту, откроет конспект и спрячется в цифрах.

Она уже почти дошла до лестницы, когда кто-то врзлся в неё с такой силой, что она пошатнулась, и книги вылетели из её рук, разлетаясь по полу как белые птицы.

— Эй, ты смотришь, куда идёшь? — раздался голос.

Голос был низким, с ленивой насмешкой. Рита подняла голову, и её дыхание перехватило.

Он стоял перед ней. Высокий. Наглый. Чёрная кожаная куртка расстёгнута, под ней футболка, обтягивающая плечи. Карие глаза смотрели на неё с таким откровенным интересом, что она почувствовала, как внутри неё всё сжимается. Он был красивым. Но не той красотой, которая успокаивает. Он был красив как опасность, как огонь, который манит и обжигает одновременно.

И тут она почувствовала его запах. Табак, бергамот, что-то терпкое и тёплое. Запах, который ударил в неё как током. В голове мелькнула вспышка — другая рука, другой запах, дешёвый табак и лак для волос. Она отшатнулась, и внутри неё начала подниматься паника.

— Ты в порядке? — спросил он, наклоняясь к ней.

— Не трогай меня! — вырвалось у неё прежде, чем она успела подумать. Она прижала руки к груди, как будто защищаясь.

Он замер, подняв ладони в примирительном жесте.

— Ладно-ладно. Я просто хотел помочь собрать твои книги. — Он опустился на корточки и начал собирать её конспекты. Его пальцы, длинные, с аккуратными ногтями, двигались быстро и уверенно.

Рита стояла, не в силах пошевелиться. Она смотрела, как он поднимает её книги, как встаёт и протягивает их ей.

— Держи, — сказал он. — Я, кстати, Денис. Денис Ковалевский. А ты — Маргарита Ветрова, да?

Она взяла книги, стараясь не коснуться его пальцев.

— Откуда ты знаешь моё имя? — спросила она, и голос её прозвучал резче, чем она хотела.

— Ты отличница с матана, — сказал он, ухмыльнувшись. — Вся кафедра о тебе говорит. И не только кафедра.

Она почувствовала, как краска приливает к щекам. Что это значило? Что о ней говорят? Что она — ботаник, которого никто не замечает?

— Я не знаю, что там говорят, — сказала она сухо. — Извини, я спешу.

Она шагнула в сторону, чтобы обойти его, но он перегородил ей дорогу.

— Постой, — сказал он, и в голосе его появилась странная серьёзность. — Я хочу извиниться. Я реально не хотел тебя сбить. Может, я угощу тебя кофе? Или ты не пьёшь кофе?

Рита остановилась. Она смотрела на него, чувствуя, как внутри неё борется страх и что-то другое, чему она не хотела давать названия.

— Я не пью кофе, — ответила она, — и я не хочу никуда идти. Если хочешь извиниться — просто не стой на моём пути.

Она обошла его, задев плечом его куртку, и быстро зашагала вверх по лестнице. За спиной раздался его смех — низкий, уверенный.

— Маргарита, мы ещё увидимся!

Она не обернулась. Она вошла в аудиторию, села на последнюю парту и уставилась в конспект, но цифры плыли перед глазами. Сердце колотилось так сильно, что она слышала его стук. Она зажмурилась, пытаясь прогнать его образ, но он не уходил.

Всю лекцию она не слушала преподавателя. Она видела только его лицо, его глаза, его улыбку. И внутри неё боролись два голоса: один шептал: «*Он опасен, беги*», а другой, тихий и запретный, говорил: «*Он другой*».

В конце лекции она вышла из аудитории и направилась в библиотеку. Там, среди книг, она чувствовала себя в безопасности. Она зашла за стойку, надела рабочий халат и начала разбирать возвращённые книги. Запах старой бумаги и пыли успокаивал её.

Через час она подняла голову и замерла.

Он стоял у входа. С книгой в руках. И с той же наглой улыбкой.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, и голос её дрогнул.

— Я хочу взять книгу, — сказал он, подходя к стойке. Он протянул ей том. На обложке было написано «Стихи Анны Ахматовой». — Ты любишь Ахматову?

Она опешила. Она не ожидала, что он вообще умеет читать что-то кроме нот.

— Да, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно. — Но она не по твоей специальности.

— Я читаю не только по специальности, — усмехнулся он. — Знаешь, что я понял за этот час? Ты боишься. Не меня. Чего-то другого. Что с тобой случилось, Маргарита?

Она застыла. Как он мог это увидеть?

— Ничего, — сказала она ледяным тоном. — Я просто хочу, чтобы ты оставил меня в покое.

— А если я не хочу тебя оставлять? — он наклонился к стойке, и его лицо оказалось совсем рядом. — Я приду завтра. За этой книгой. И мы поговорим.

Он развернулся и ушёл. Рита осталась стоять за стойкой, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Она знала, что должна была выгнать его, сказать «нет». Но внутри неё уже загорелась искра, которую она так боялась.

Она не знала, что этот день изменит её жизнь. Она не знала, что этот наглый мальчишка станет её спасением и её гибелью.

Она только знала, что, когда она вышла из библиотеки и вдохнула холодный воздух, в груди у неё уже билась надежда. И страх. И тихий, запретный вопрос: «*А что, если он — тот, кто сможет меня спасти?*»

Глава 2. Мальчик, который не умел проигрывать

Она вышла из библиотеки, и он смотрел ей вслед, пока её фигура не исчезла за углом. Денис стоял в коридоре, чувствуя, как внутри него бурлит странное возбуждение. Он не знал, что это — азарт охотника или что-то другое. Но он знал одно: он должен её увидеть снова.

Он вышел из университета и зашагал в сторону бара, где его ждали друзья. Кирилл уже сидел за столиком, потягивая пиво, и ухмыльнулся, когда увидел Дениса.

— О, смотри, кто пришёл, — сказал Кирилл. — Ты что, реально ходил в библиотеку?

— Да, — коротко ответил Денис, садясь напротив. — Я встретил там одну девушку. Маргариту Ветрову.

Кирилл присвистнул.

— Эту железную леди? Я пробовал к ней подкатить на первом курсе. Она послала меня так, что я до сих пор краснею. Говорит: «Ты мне мешаешь думать, отойди». Без эмоций. Как робот.

— Она не робот, — сказал Денис, и в голосе его появилась резкость. — Она просто... спряталась.

Кирилл поднял бровь.

— Ты что, реально заинтересовался?

Денис промолчал. Он не знал, как объяснить, что в этой сероглазой девушке есть что-то, что заставляет его чувствовать себя живым. Она не улыбалась ему, не заигрывала, не падала к ногам. Она смотрела на него так, будто видела насквозь.

— Давай поспорим, — сказал он, наклоняясь вперёд. — Я заставлю её влюбиться в меня за месяц.

Кирилл усмехнулся.

— Ты серьёзно? Она же не из твоей компании. Она — ботаник, который живёт в библиотеке. Ты её не расколешь.

— А я говорю — расколю, — ответил Денис, и в его глазах загорелся азарт. — На что спорим?

— На три тысячи, — сказал Кирилл, протягивая руку.

Денис пожал её.

— Идёт.

Но когда Кирилл отошёл к стойке за салфетками, Денис сидел и смотрел в одну точку, чувствуя, как внутри разливается тяжесть. Он сам не понимал, зачем ввязался в этот спор. Ему не нужны были деньги, не нужна была победа. Ему нужно было узнать, что скрывается за этим взглядом, в котором смешались страх и гнев.

Он вернулся домой поздно вечером. Пустая квартира встретила его тишиной. Он бросил куртку на диван, вытащил из рюкзака книгу Ахматовой и открыл её наугад.

«Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу».

Он перечитал строки несколько раз. Это было о ней. О той девочке, которая прячется в библиотеке от всего мира. О той, которая боится даже смотреть на него, потому что внутри неё живёт какая-то старая рана.

Он достал из бара бутылку виски, налил себе, сделал глоток. Он смотрел на книгу и думал о ней. О её руках, которые дрожали, когда она протягивала ему книгу. О её глазах, в которых была такая боль, что она разрывала его сердце.

Он открыл книгу на первой странице, нашёл чистый лист и написал несколько строк:

*«Рита,
 Я не знаю, что ты скрываешь, и почему твои глаза так боятся смотреть на меня. Но я хочу знать. Я хочу услышать твою историю. Не бойся меня. Я не такой, как ты думаешь.
 Приходи завтра в кофейню у библиотеки, если захочешь.
 Денис»*

Он положил записку в книгу и спрятал её в рюкзак. Он не знал, придёт ли она. Но он надеялся.

Ночь прошла в бессоннице. Денис лежал на спине, глядя в потолок, и думал о ней. Он не знал, как далеко зайдёт его игра. Он не знал, что он почувствует, когда увидит её снова. Он только знал одно: он не может остановиться. Она стала для него навязчивой идеей, и он хотел разгадать её тайну.

Он не знал, что эта «игра» разобьёт ему сердце. Он не знал, что его спор станет началом самой большой драмы в его жизни. Но он уже сделал свой выбор.

Он взял телефон и написал Кириллу:

«Я выиграю этот спор. Но я уже чувствую, что проиграл ей».

И он был прав. Потому что он уже проиграл. Он проиграл в тот момент, когда она подняла на него свои серые глаза. Он проиграл, когда увидел её страх и захотел его убрать. Он проиграл, когда понял, что она — не просто ставка. Она — его судьба.

Глава 3. Слабость, которую нельзя показать

Она выбежала из библиотеки, сжимая в руке записку, и её сердце колотилось так сильно, что она слышала этот стук в ушах. Запах старой бумаги и пыли, который всегда её успокаивал, теперь душил её. Она добежала до туалета на втором этаже, захлопнула кабинку, прислонилась спиной к холодной пластиковой стенке и попыталась вдохнуть. Воздух не шёл. Он застревал где-то в груди, превращаясь в колючий ком.

Она развернула записку дрожащими пальцами и перечитала строки снова. Его почерк — размашистый, уверенный, с наклоном вправо. Слова впивались в неё, как иглы.

«Рита, я не знаю, что ты скрываешь, и почему твои глаза так боятся смотреть на меня. Но я хочу знать. Я хочу услышать твою историю. Не бойся меня. Я не такой, как ты думаешь. Приходи завтра в кофейню у библиотеки, если захочешь. Денис»

Она перечитала это три раза. Потом четвёртый. Каждое слово было как прикосновение — навязчивое, требующее ответа. *«Не бойся меня»*. Как он смеет писать это? Он не знает её. Он не знает, что она пережила. Он не знает, что стоит за её страхом. И он не имеет права прикасаться к этой ране.

Она сжала записку в кулаке, чувствуя, как бумага впивается в ладонь. Она хотела разорвать её на мелкие кусочки и спустить в унитаз. Хотела забыть, что вообще видела её. Но пальцы не слушались. Она стояла, сжимая бумагу, и чувствовала, как внутри неё нарастает гнев. Не на него. На себя. На то, что она вообще позволила себе думать о нём.

В кармане джинсов лежал телефон. Она могла бы написать ему. Могла бы сказать: *«Я не приду. Оставь меня в покое»*. Но она не сделала этого. Она просто стояла в кабинке, глядя на жёлтый свет лампы над головой, и пыталась успокоить дыхание.

Когда она вышла из туалета, её лицо было бледным, но она взяла себя в руки. Она прошла по коридору, чувствуя, как на неё смотрят студенты. Ей казалось, что все знают. Что все видят её слабость. Она опустила голову и зашагала быстрее.

На улице было холодно. Октябрьский ветер пронизывал до костей, и она натянула капюшон, пряча лицо. Она прошла мимо кофейни, не глядя в сторону витрины. Внутри горел тёплый свет, пахло кофе и выпечкой, и она на секунду представила, как он сидит за столиком, ждёт её, смотрит на дверь. Она почти почувствовала его взгляд на своей спине. Но она не обернулась. Она не остановилась.

Она шла домой, и каждый шаг давался ей с трудом. Ноги дрожали, руки сжимали лямки рюкзака так сильно, что побелели костяшки. Она чувствовала, как внутри неё бурлит всё, что она подавляла годами: страх, гнев, желание. Особенно желание. То самое, запретное, которое она прятала глубоко внутри, потому что боялась, что если она позволит себе почувствовать его снова, то будет сломлена окончательно.

Она вошла в подъезд, поднялась на второй этаж и открыла дверь ключом, который дрожал в её пальцах. Квартира встретила её запахом бабушкиного пирога — тёплым, уютным, безопасным. Она прислонилась к двери, закрыла глаза и выдохнула.

— Ритка, это ты? — раздался голос бабушки из кухни.

— Я, ба, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Она скинула куртку, повесила её на крючок и прошла на кухню. Бабушка стояла у плиты, помешивая что-то в кастрюле. Она повернулась, и её взгляд сразу остановился на лице Риты.

— Что случилось? — спросила она, не задавая вопросов. Она всегда знала. С самого детства она чувствовала, когда Рита что-то скрывает.

— Ничего, ба, — ответила Рита, садясь за стол. — Просто устала.

— Ты врёшь, — сказала бабушка, ставя перед ней тарелку с горячим супом. — Но я не буду допытываться. Сначала поешь, потом расскажешь.

Рита взяла ложку и начала есть. Суп был горячим, и она чувствовала, как тепло разливается по телу. Она не смотрела на бабушку, потому что боялась, что та увидит в её глазах то, что она пыталась скрыть. Слёзы. Они стояли на грани, готовые пролиться в любую секунду.

Бабушка села напротив, сложила руки на столе и ждала. Она не торопила, не давила. Она просто была рядом, и этого было достаточно, чтобы Рита постепенно начала успокаиваться.

— Сегодня в библиотеке... — начала она, и голос её дрогнул. — Тот парень, Денис. Он оставил мне записку. Он хочет, чтобы я пришла в кофейню.

— И что ты ответила? — спросила бабушка спокойно.

— Ничего. Я разорвала записку. Я не пойду.

Бабушка долго смотрела на неё, и в её глазах была глубокая, спокойная мудрость.

— Ритка, ты боишься не его, — сказала она. — Ты боишься себя. Ты боишься, что если позволишь себе почувствовать что-то, ты снова упадёшь. Но ты не упадёшь. Ты уже упала. Ты встала. И ты стала сильнее.

— Я не хочу быть сильной, — прошептала Рита, и в её голосе была такая усталость, что бабушка на мгновение закрыла глаза.

— Я знаю, внучка. Но ты сильная. Это не выбор. Это часть тебя. Ты справишься.

Рита не ответила. Она доела суп, помыла посуду и ушла в свою комнату. Она легла на кровать и уставилась в потолок. В руке она всё ещё сжимала записку. Она не разорвала её. Она не выбросила её. Она просто лежала и держала её, чувствуя, как бумага нагревается от её ладони.

Она не пошла в кофейню. На следующее утро она проснулась с головной болью и красными глазами. Она не хотела идти в университет. Она хотела спрятаться под одеялом и никогда не выходить. Но она заставила себя встать.

Весь день она избегала библиотеки. Она не ходила туда, не заглядывала в ту сторону, даже не смотрела в коридор, где он мог стоять. Она сидела на лекциях, делала вид, что слушает, и чувствовала, как внутри неё разгорается огонь. Огонь стыда, боли и гнева.

Когда занятия закончились, она пошла к выходу. Она шла по коридору, не поднимая головы, и вдруг услышала его голос.

— Рита!

Она остановилась. Её сердце пропустило удар. Она не обернулась. Она просто стояла, чувствуя, как он приближается, как его шаги отдаются в её груди.

— Ты не пришла, — сказал он, и в его голосе была боль, которую она не ожидала услышать. — Я ждал тебя.

Она медленно повернулась. Он стоял перед ней, и его лицо было бледным, осунувшимся. Под глазами залегли тени, и он выглядел так, будто не спал всю ночь. В его руках была та самая книга — сборник стихов Ахматовой.

— Я не собиралась приходить, — сказала она, и голос её звучал ледяным. — Я тебе ничего не должна.

— Я знаю, — ответил он, и в его голосе была такая искренность, что у неё перехватило дыхание. — Я просто хотел убедиться, что ты в порядке.

— Я в порядке, — сказала она, и её голос дрогнул. — Со мной всё в порядке. Ты можешь идти.

Он не уходил. Он стоял и смотрел на неё, и в его взгляде была какая-то странная настойчивость, которая бесила её до дрожи.

— Рита, посмотри на меня, — попросил он.

Она подняла глаза. В его взгляде было столько боли, что она почувствовала, как её сердце сжимается. Она видела, что он страдает. Она видела, что он боится. И это пугало её больше, чем если бы он был наглым и самоуверенным.

— Я не могу, — сказала она тихо. — Я не могу открыться тебе. Ты не знаешь меня. Ты не знаешь, что я пережила.

— Так расскажи мне, — сказал он, и его голос был мягким, почти шёпотом. — Я готов слушать. Я готов ждать. Я готов быть рядом, даже если ты никогда не захочешь говорить.

Она смотрела на него, и внутри неё боролись два голоса. Один кричал: *«Не верь! Ты знаешь, чем это заканчивается»*. Другой, тихий и запретный, шептал: *«А что, если он правда другой? Что, если ты упустишь свой шанс?»*

Она сделала шаг назад.

— Ты должен уйти, — сказала она. — Я не могу сейчас говорить.

Он кивнул, но не ушёл. Он достал из кармана ещё один листок, протянул ей и сказал:

— Тогда возьми это. Мой номер. Если когда-нибудь передумаешь, позвони. Я не буду тебя искать. Я не буду давить. Только если ты сама захочешь.

Он положил листок на подоконник, развернулся и ушёл, не оглядываясь.

Рита стояла в коридоре, глядя на белый листок с номером. Её руки дрожали. Она хотела взять его и разорвать, как тот, первый. Но она взяла его, сложила пополам и спрятала в карман джинсов.

Она не звонила ему целую неделю.

Каждый вечер она смотрела на номер, который был записан в её телефоне, и её палец зависал над кнопкой вызова. Она представляла, что он скажет, если она позвонит. Что она скажет ему. «Прости, я боялась»? «Я хочу попробовать»? «Мне нужна помощь»?

Но она не звонила. Она просто смотрела на экран и чувствовала, как внутри неё разгорается огонь. Огонь страха и надежды, который она не могла погасить.

Прошла неделя. Она ходила на лекции, сидела в библиотеке, возвращалась домой. Она делала вид, что всё нормально, что она не думает о нём, что она не ждёт его звонка. Но она ждала. И она знала, что он тоже ждёт.

Она не заметила, как он появился на кафедре прикладной математики. Она пришла за материалами для курсовой и увидела его. Он стоял у преподавательского стола, перебирая ноты. Он помогал профессору, который вёл у них факультатив по теории музыки. Денис объяснял что-то о звуковых частотах, о гармонии, о математических закономерностях в музыке. Она стояла у двери и слушала.

Он говорил умно, увлечённо, и она видела, как он сияет, когда речь заходит о его деле. Он был другим — не наглым мажором, а человеком, который жил своей страстью. Она смотрела на него и чувствовала, как внутри неё что-то меняется.

Профессор заметил её и окликнул:

— А, Маргарита Сергеевна! Вы как раз вовремя. У нас тут проблема с расчётами для акустического проекта. Ковалевский, вы ведь разбираетесь в этом, помогите ей, а?

Рита хотела отказаться. Хотела сказать: *«Нет, я сама справлюсь»*. Но Денис повернулся к ней и спросил:

— Ты не против? Это не займёт много времени.

Она посмотрела на него. В его глазах не было навязчивости. Только вопрос и готовность принять любой её ответ.

— Хорошо, — сказала она тихо. — Давай.

Они сели за стол в пустом кабинете, и он начал объяснять ей принципы акустического моделирования. Его голос был ровным, спокойным. Он не смотрел на неё с вызовом, не пытался заглянуть в глаза. Он просто говорил о работе, и это было безопасно.

Рита заметила, как у него горят глаза, когда он говорит о музыке, о том, как звук может касаться души. И в какой-то момент она поняла, что он — не просто мажор. Он — человек, который тоже что-то ищет. И, возможно, он действительно другой.

— Спасибо, — сказала она, когда они закончили. — Это было полезно.

Он улыбнулся, но улыбка была лёгкой, почти робкой.

— Слушай, — сказал он, собирая свои вещи. — Ты не хочешь иногда просто поговорить? Не о работе. Просто о чём-то обычном. О книгах, о музыке.

— Я не умею просто говорить, — ответила она. — Я всегда боюсь.

— Тогда я буду говорить. А ты слушай. И если захочешь что-то сказать — скажешь.

Она смотрела на него, и внутри неё что-то дрогнуло. Она знала, что должна сказать «нет». Что должна уйти и забыть его. Но она устала бояться.

— Хорошо, — сказала она. — Встретимся в кофейне. Но только как коллеги. Никаких намёков, никаких попыток узнать мою тайну.

— Договорились, — сказал он.

Она вышла из кабинета и почувствовала, как внутри неё разливается странное облегчение. Она сделала шаг. Маленький, но важный. Она дала себе шанс.

Глава 4. Кофе, который пахнет надеждой

Рита пришла ровно в шесть. Ни минутой раньше, ни минутой позже. Она стояла перед дверью кофейни, сжимая лямку рюкзака так сильно, что побелели костяшки. Она не хотела этого. Она хотела развернуться и уйти, забыть о том, что вообще согласилась на эту встречу. Но она сделала шаг. Она вошла.

Звякнул колокольчик над дверью, и она огляделась. Внутри пахло кофе, выпечкой и уютом. Он сидел за дальним столиком у окна, и когда увидел её, его лицо осветилось той улыбкой, которую она уже начала запоминать.

— Ты пришла, — сказал он, вставая. — Я боялся, что ты передумаешь.

— Я почти передумала, — честно ответила она, садясь напротив. Она села на самый край стула, готовая встать и уйти в любую секунду.

Он не пытался приблизиться. Он просто сел на своё место, сложил руки на столе и посмотрел на неё с таким уважением, что у неё перехватило дыхание.

— Спасибо, что пришла, — сказал он. — Я знаю, как тебе тяжело. Я не буду задавать вопросов. Мы просто посидим, выпьем кофе. Или чай.

— Чай, — сказала она, чувствуя, как её голос предательски дрожит. — Мятный.

Он кивнул и подозвал официанта. Она смотрела, как он заказывает ей чай, как его пальцы барабают по столу, когда он ждёт заказ. Он нервничал. Она видела это. И это странным образом успокаивало её.

Когда им принесли напитки, они сидели в тишине. Рита держала чашку в руках, чувствуя, как тепло разливается по ладоням. Она смотрела в окно, на мокрый асфальт и прохожих, и не знала, что сказать.

— Расскажи мне о чём-нибудь, — сказала она наконец. — О чём угодно. Просто чтобы я слышала твой голос.

Он задумался на мгновение, а потом начал рассказывать о том, как однажды ночью играл на набережной, когда никого не было, и как луна отражалась в воде, и как ему казалось, что он играет для всего мира. Его голос был мягким, тёплым, и она слушала его, чувствуя, как её страх постепенно тает.

— Моя мать любила музыку, — сказал он, и его голос стал тише. — Она умерла, когда мне было двенадцать. Рак. Быстро, за три месяца. Я ничего не мог сделать. Я просто сидел рядом и смотрел, как она уходит.

Рита замерла. Она не ожидала, что он откроется так быстро. Но в его глазах была такая боль, что она почувствовала, как внутри неё что-то сжимается.

— Мне жаль, — сказала она тихо.

— Не надо жалеть, — ответил он. — Я просто хочу, чтобы ты знала: я знаю, что такое боль. Я знаю, что значит смотреть на человека, которого любишь, и не иметь возможности его спасти. И я знаю, как это — закрываться от всех, чтобы не чувствовать снова.

Она смотрела на него, и впервые за долгое время она не видела в нём угрозы. Она видела человека, который тоже носит внутри себя тяжесть.

— Как ты справляешься? — спросила она.

— Музыка, — ответил он. — Я начал играть на гитаре, когда её не стало. Я не умел выражать словами, что я чувствую, но я мог сыграть это. И до сих пор, когда мне плохо, я беру гитару и играю, пока пальцы не начинают болеть.

Он посмотрел на свои руки, длинные, с аккуратными ногтями, с мозолями на подушечках. Она заметила эти мозоли ещё в библиотеке, но только сейчас поняла, что они значат.

— Ты пишешь свои песни? — спросила она.

— Да, — он кивнул. — Но я никому их не показываю. Они слишком личные. Как дневник, только в музыке.

Они замолчали. Тишина была не неловкой, а почти тёплой. Рита чувствовала, как стена вокруг неё даёт трещину, но она пыталась удержать её руками.

— Спасибо, что рассказал, — сказала она. — Я знаю, как трудно говорить о таком.

— Я говорю, потому что ты слушаешь, — ответил он. — Ты не перебиваешь, не советуешь, не жалеешь. Ты просто слушаешь. Это дорогого стоит.

Она почувствовала, как краска приливает к щекам. Она отвела взгляд и сделала глоток чая.

— Мне пора, — сказала она, вставая. — У меня ещё курсовые.

— Я провожу тебя до дома? — предложил он, поднимаясь.

— Нет! — вырвалось у неё слишком резко. Она испуганно посмотрела на него, но он не обиделся, просто сделал шаг назад.

— Хорошо, — сказал он. — Как скажешь. Но если ты захочешь снова просто поговорить, ты знаешь мой номер.

Она кивнула и почти выбежала из кофейни. На улице она вдохнула холодный воздух, и он обжёг лёгкие. Она шла домой быстрым шагом, чувствуя, как сердце колотится, и в голове крутился его голос.

«Он не такой, как я думала, — пронеслось у неё в голове. — Но это не значит, что ему можно доверять. Может, он просто хорошо играет роль».

Она заставила себя остановиться. Она прислонилась к дереву, закрыла глаза и глубоко вздохнула. Внутри неё бушевала буря: часть её хотела бежать обратно, к нему, чтобы слушать его голос, а другая часть, более старая и сильная, кричала: *«Не верь! Ты знаешь, что будет, если ты согласишься!»*

Она пришла домой, разделась и села на кухню. Бабушка, как всегда, почувствовала её состояние.

— Ритка, что случилось? — спросила она, садясь напротив.

— Ничего, ба, — ответила Рита, обхватывая кружку с чаем. — Я просто встретила с одним человеком. С тем парнем, о котором я говорила. Мы просто пили чай.

— И как прошло?

— Он рассказал, что у него умерла мать. Что он играет на гитаре, потому что не может выразить боль словами. Я видела, как ему тяжело об этом говорить. Но я не знаю, верить ли ему. Может, он просто манипулирует мной?

Бабушка долго смотрела на неё, и в её глазах была глубокая, спокойная мудрость.

— Ритка, ты боишься доверять, и это нормально. Но если ты будешь бояться каждого, кто протянет тебе руку, ты так и останешься одна. Проверь его, но не закрывайся полностью. Дай себе шанс. Хотя бы маленький.

Рита кивнула, но внутри неё не было уверенности. Она легла спать, но долго не могла уснуть, перебирая в памяти его слова, его глаза, его голос.

И когда она наконец провалилась в сон, ей приснился он. Не как монстр, а как человек, который стоял на сцене и пел ей песню, и она плакала, потому что никогда не слышала ничего более честного.

Она проснулась с мокрыми щеками и чувством, что мир немного изменился.

На следующий день она взяла телефон и написала ему:

«Спасибо за вчера. Я подумала, стоит ли нам видеться ещё»

Ответ пришёл через минуту:

«Я подожду. Я всегда готов ждать тебя, Рита»

Она улыбнулась и положила телефон. Внутри неё, где-то глубоко, затеплилась надежда. Маленькая, хрупкая, но она была. И она знала, что если он будет ждать, она, возможно, сможет научиться доверять.

Глава 5. Прикосновение, которое обожгло

Рита пришла в кофейню на пять минут раньше. Она не хотела признаваться себе, что ждала этой встречи, но её тело выдавало её — сердце билось быстрее, ладони слегка вспотели, и она несколько раз поправила волосы, прежде чем войти.

Она заказала мятный чай и села за столик у окна, откуда был виден вход. Она не хотела, чтобы он увидел, как она ждёт его. Она хотела, чтобы он думал, что она только что пришла.

Но когда дверь открылась и он вошёл, она не смогла скрыть улыбки. Он был в той же чёрной куртке, но сегодня его лицо казалось более уставшим, под глазами залегли тени, и он выглядел так, будто не спал несколько ночей.

— Ты рано, — сказал он, садясь напротив. В его голосе была лёгкая хрипотца.

— Я просто хотела успеть заказать чай, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно. — Ты выглядишь уставшим.

— Я не спал, — честно признался он. — Завтра уезжаю к отцу. Он звонил вчера. Сказал, что ему нужно поговорить со мной.

Она почувствовала, как внутри неё что-то сжимается. Она не знала, что происходит в его семье, но видела, как он напряжён, как его руки сжимают чашку с кофе чуть сильнее, чем нужно.

— Ты не хочешь ехать? — спросила она.

— Нет, — ответил он, и она услышала в его голосе горечь. — Но я должен. Он мой отец.

Она хотела сказать что-то утешающее, но слова застряли в горле. Она не умела утешать. Она не умела быть той, кто поддерживает. Она всегда была одна, и её никто не поддерживал.

— Расскажи мне о нём, — сказала она вместо этого. — О твоём отце. Если хочешь.

Он поднял на неё глаза, и в них мелькнула благодарность.

— Он не всегда был таким, — начал он, и его голос стал тише. — Когда была жива мама, он был другим. Тёплым, заботливым. Он любил её так, как я не видел ни у кого. А когда она ушла, он сломался. Он стал холодным, требовательным. Он хочет, чтобы я был тем, кем он хотел стать, но не смог. Он хочет, чтобы я бросил музыку и занялся бизнесом. Он говорит, что музыка — это для неудачников.

Рита слушала, не перебивая. Она видела, как его глаза темнеют, когда он говорит об отце, как его пальцы сжимают чашку. Она чувствовала его боль, и внутри неё что-то откликалось на эту боль.

— Моя мама верила в меня, — сказал он, и его голос дрогнул. — Она сказала мне перед смертью: «Играй, сын. Твоя душа говорит через струны». Я не могу предать её память.

Рита почувствовала, как слёзы подступают к глазам. Она не знала, что сказать. Она просто сидела и смотрела на него, и впервые за долгое время она видела не наглого мажора, а человека, который тоже носит внутри себя тяжесть.

— Она была права, — сказала она тихо. — Твоя душа говорит через музыку. Я слышала это. Даже когда ты просто играл в коридоре, я чувствовала это.

Он поднял на неё глаза, и в них была такая искренность, что у неё перехватило дыхание.

— Спасибо, — сказал он. — Ты первая, кто сказал мне это. После неё.

Они замолчали. Тишина была наполнена теплом и пониманием. Рита чувствовала, как стена вокруг неё даёт трещину. Она хотела сказать ему что-то важное, но не знала, как.

— Я хочу, чтобы ты знала, — сказал он, нарушая тишину. — Ты не обязана ждать меня. Если я не вернусь через неделю, значит, отец сломал меня. Но если я вернусь, я хочу, чтобы мы продолжили это. Наше общение. Нашу... дружбу.

Она смотрела на него, и внутри неё что-то перевернулось. Она видела его страх, его неуверенность, его желание быть рядом с ней. И она поняла, что тоже хочет этого.

— Я подожду, — сказала она, и эти слова удивили её саму. — Я подожду неделю. Или месяц. Или сколько понадобится.

Он улыбнулся той тёплой улыбкой, которую она уже начала любить. Улыбкой, которая делала его мальчишкой, несмотря на всю его боль.

— Спасибо, — сказал он.

Они вышли из кофейни, и ночь была тёплой. Он проводил её до остановки, и они стояли в свете фонаря, глядя друг на друга. Ветер играл с её волосами, и она чувствовала, как его взгляд касается её лица.

— Рита, — сказал он, и его голос стал глубже. — Я хочу, чтобы ты знала: я не уеду, не сказав тебе этого. Ты — единственная, кто заставил меня чувствовать себя живым. Даже когда я не знал, что это такое.

Она смотрела на него, и внутри неё всё дрожало. Она хотела сказать ему что-то в ответ, но слова застревали в горле. Вместо этого она сделала шаг вперёд и коснулась его запястья. Её пальцы легко скользнули по его коже, и она почувствовала, как он вздрогнул от этого прикосновения. Это было простое, почти невесомое касание, но в нём было всё, что она не могла сказать словами.

— Возвращайся, — сказала она тихо. — Я буду ждать.

Он смотрел на её руку, лежащую на его запястье, и его глаза потеплели. Он накрыл её пальцы своей ладонью и сжал.

— Я вернусь, — сказал он. — Обещаю.

Она убрала руку, чувствуя, как его тепло остаётся на её коже. Она развернулась и побежала к автобусу, не оглядываясь. Она знала, что если она оглянется, то не сможет уйти.

Она сидела в автобусе и смотрела на ночной город. Внутри неё было странное чувство — смесь страха, надежды и чего-то нового, чему она не хотела давать названия. Она думала о нём, о его голосе, о его глазах, о его руке, которая сжала её пальцы. Она думала о том, как он сказал: *«Ты заставила меня чувствовать себя живым»*. И она поняла, что он тоже заставил её чувствовать себя живой.

Дома она лежала на кровати, глядя в потолок, и перебирала в памяти каждое его слово. Она взяла телефон и написала ему:

«Удачи с отцом. Я буду ждать»

Ответ пришёл через минуту:

«Я вернусь. Не сомневайся во мне. Ты — единственная, кто верит в меня. Это даёт мне силы»

Она улыбнулась и положила телефон на тумбочку. Она знала, что впереди её ждёт долгая неделя. Но она также знала, что он вернётся. И она будет ждать.

Она уснула с чувством, что впервые за долгое время она не одна.

Глава 6. Первый шаг к тебе

Утро началось с того, что Рита вышла из дома с твёрдым намерением не думать о нём. Она вчера написала ему «спасибо», он ответил «я подожду», и это сообщение она перечитывала раз десять, пытаясь понять, что он чувствует на самом деле. Она злилась на себя за то, что вообще думает о нём.

— Ты слишком много думаешь, — сказала она себе, стоя на автобусной остановке и глядя на серое небо. — Он просто вежливый. Он всем так пишет.

Но она знала, что это неправда. Он не был вежливым с другими. Он был наглым, дерзким и самоуверенным. А с ней он был другим — тихим, терпеливым, почти робким. И это пугало её больше всего.

Она приехала в университет за час до первой пары. Ей нужно было успеть повторить конспекты перед семинаром. Она зашла в главный корпус, прошла через турникет и направилась к лестнице на второй этаж.

Он стоял у входа.

Денис опирался плечом на стену, в руках у него были два бумажных стаканчика. Один чёрный кофе для себя, второй — она не знала, что там, но он явно ждал её.

Она замедлила шаг, и внутри неё всё сжалось. Часть её хотела развернуться и уйти через другой вход, чтобы избежать этой встречи. Но ноги сами понесли её вперёд.

— Привет, — сказал он, когда она подошла. Его голос был ровным, без тени навязчивости. — Я не хотел тебя поджидать, но подумал, что ты, возможно, не завтракала. Вот, держи.

Он протянул ей стаканчик. Она заглянула внутрь — это был травяной чай, мятный, с мёдом. Прямо как она любила.

— Откуда ты знаешь, что я пью мятный чай? — спросила она, чувствуя, как внутри поднимается волна раздражения. — Ты что, следишь за мной?

Денис поднял руки в примирительном жесте.

— Нет. В прошлый раз ты заказала его в кофейне, и я запомнил. Всё.

Рита смотрела на стаканчик. Он был горячим, и она чувствовала тепло, которое передавалось через картон. Она хотела отказаться, сказать, что она не пьёт из рук незнакомцев, что она не хочет принимать от него подарки. Но внутри неё что-то перевернулось — она вспомнила, как он принёс ей книгу, как он слушал её, как он не давил.

Она взяла стаканчик.

— Спасибо, — сказала она сухо, не глядя на него. — Но тебе не нужно это делать.

— Я знаю, — ответил он. — Я просто хочу.

Они пошли вместе по коридору. Она чувствовала его присутствие рядом — его запах, смесь табака и бергамота, который она уже начала узнавать. Она хотела ускорить шаг и оторваться от него, но он не отставал.

— Ты сегодня занята? — спросил он.

— Да, — ответила она слишком быстро. — У меня лекции, потом библиотека, потом курсовые.

— Я не предлагаю встретиться, — сказал он мягко. — Я просто спрашиваю. Хочу знать, чем ты живёшь.

Рита остановилась и повернулась к нему. Внутри неё закипала злость — на себя, на него, на весь мир.

— Зачем тебе это? — спросила она, глядя ему в глаза. — Зачем тебе знать, чем я живу? Ты же видишь, что я ничего из себя не представляю. Я не твоя подруга, не твоя новая игрушка. Я просто студентка, которая хочет, чтобы её оставили в покое.

Он не отступил. Он стоял и смотрел на неё с той же терпеливой серьёзностью.

— Ты не ничего из себя не представляешь, — сказал он тихо. — Ты — человек, который пережил то, что не переживёт и половина этого университета. Ты сильная, хотя и не замечаешь этого. И я хочу быть рядом с тобой, потому что ты настоящая.

Рита почувствовала, как комок подступает к горлу. Она хотела возразить, но слова застревали в горле.

— Отстань, — прошептала она и развернулась, чтобы уйти.

Но он догнал её и сказал:

— Я не буду тебя преследовать. Просто, если ты захочешь поговорить, я здесь.

Она ушла, сжимая стаканчик с чаем, и чувствовала, как он обжигает ладонь. Она зашла в аудиторию, села на последнюю парту и попыталась сосредоточиться на лекции. Но перед глазами стояло его лицо — серьёзное, без тени наглости, и его голос, когда он говорил, что она настоящая.

Весь день она избегала его. Она не ходила в библиотеку, чтобы не столкнуться с ним. Она сидела в столовой в углу, прячась за спинами других студентов. Но он не искал её. Он исчез, будто его и не было.

И это странным образом беспокоило её больше, чем если бы он продолжал появляться.

Когда занятия закончились, она вышла из университета и направилась к остановке. Дул холодный ветер, и она натянула капюшон. Она уже почти дошла до остановки, когда услышала его голос.

— Рита!

Она остановилась, но не обернулась. Она чувствовала, как он приближается, и каждый шаг его отдавался у неё в груди.

— Прости, я не хотел тебя пугать, — сказал он, подходя ближе. — Но мне нужно было тебе кое-что сказать.

Она повернулась. Он стоял перед ней, и в его глазах была усталость, которую она раньше не замечала.

— Что? — спросила она холодно.

— Я хочу, чтобы ты знала: я уезжаю на выходные к отцу. Он звонил и сказал, что у него проблемы. Я не знаю, как долго меня не будет. Но я не хотел, чтобы ты думала, что я исчез.

Рита смотрела на него, и внутри неё что-то дрогнуло. Он не должен был ей ничего объяснять. Он не обязан был отчитываться перед ней. Но он стоял перед ней и говорил, что не хочет, чтобы она подумала плохо.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросила она.

— Потому что я хочу, чтобы ты знала: я не бросаю людей. Я не исчезаю без объяснений. Если я обещаю быть рядом, я буду рядом.

Рита почувствовала, как внутри неё разливается странное тепло. Она хотела сказать что-то резкое, но вместо этого её рука сама потянулась вперёд и коснулась его запястья. Она сделала это не думая, просто чтобы убедиться, что он настоящий.

— Ты в порядке? — спросила она тихо.

Он посмотрел на её руку, лежащую на его запястье, и его глаза потеплели.

— Нет, — сказал он честно. — Отец не просто так звонит. Он хочет, чтобы я бросил музыку и занялся его бизнесом. Он говорит, что я потерял время. И я не знаю, что делать.

Рита почувствовала, как её пальцы сжимаются на его запястье. Она хотела сказать что-то ободряющее, но слова застревали в горле. Она просто стояла и смотрела на него, чувствуя, как между ними проскальзывает что-то важное.

— У тебя есть музыка, — сказала она наконец. — Если у тебя есть она, ты справишься.

Он улыбнулся, и в этой улыбке было столько благодарности, что у Риты перехватило дыхание.

— Спасибо, — сказал он. — Я запомню это.

Она отдернула руку, будто обожглась. Она сделала шаг назад, чувствуя, как страх снова возвращается.

— Мне пора, — сказала она. — Ты... удачи с отцом.

Она развернулась и побежала к автобусу. Она села на свободное место, прижалась лбом к холодному стеклу и закрыла глаза. Внутри неё бурлили эмоции: страх, надежда, растерянность. Она позволила ему прикоснуться к себе — сама она коснулась его. И мир не рухнул. Но это не значило, что всё будет хорошо.

Дома она долго сидела на кровати, глядя в стену. Она взяла телефон, чтобы написать ему, но передумала. Она не хотела показаться слабой. Она не хотела, чтобы он думал, что она слишком много думает о нём.

Но когда она уснула, ей приснился он — не как монстр, а как человек, который стоял на сцене и играл для неё, и она плакала, потому что никогда не слышала ничего более честного.

Она проснулась с мокрыми щеками и чувством, что что-то в её жизни изменилось. Она не знала, что это — начало любви или начало новой боли. Но она знала одно: она больше не хочет убегать.

Глава 7. Голос в темноте

Вечер в квартире был тихим, как всегда. Бабушка уже ушла в свою комнату, пожелав Рите спокойной ночи. Рита сидела на кухне с чашкой ромашкового чая, который давно остыл, и смотрела в окно. За стеклом моросил мелкий дождь, и фонари разгоняли темноту мутным светом. Она пыталась читать книгу, но слова расплывались перед глазами.

Она думала о нём. О том, как он стоял сегодня у остановки, как в его глазах была усталость, когда он говорил об отце. О том, как она коснулась его запястья. Она до сих пор чувствовала его тепло под своими пальцами, и это ощущение не проходило, как бы она ни пыталась его прогнать.

Телефон на столе завибрировал. Она вздрогнула, посмотрела на экран — «Денис Ковалевский». Сердце её пропустило удар.

Она смотрела на экран, и её пальцы дрожали. *Почему он звонит? Он же сказал, что уезжает к отцу. Может, случилось что-то плохое?*

Она поднесла телефон к уху, чувствуя, как её голос предательски дрожит.

— Алло?

— Рита, — раздался его голос. Он был хриплым, уставшим, но в нём было что-то тёплое, отчего у неё защемило в груди. — Прости, что поздно. Я не разбудил тебя?

— Нет, — ответила она, прижимая телефон ближе к уху. — Я не спала. Что-то случилось?

— Случилось, — он усмехнулся, но усмешка была горькой. — Я только что приехал к отцу. Он уже час кричит на меня. Говорит, что я бездарь, что я погубил свою жизнь, что музыка — это для неудачников. Я вышел на балкон, чтобы не слышать его. И подумал о тебе. Решил позвонить.

Рита сжала телефон крепче. Она чувствовала, как её сердце сжимается от боли за него.

— Мне жаль, — сказала она тихо.

— Не надо жалеть, — ответил он. — Я просто хотел услышать твой голос. Ты не против?

Она присела на край стула, обхватив колени свободной рукой.

— Нет, — сказала она. — Я не против.

На несколько секунд повисла тишина. Она слышала его дыхание — глубокое, сбивчивое. И чувствовала, как между ними возникает что-то тёплое, почти осязаемое.

— Ты знаешь, — начал он медленно, — я никогда не говорил об этом никому. О том, как мне тяжело с отцом. Все думают, что у меня всё есть, что я счастливчик. А на самом деле я просто пытаюсь выжить. Как ты.

Рита прикусила губу. Она знала это чувство. Она знала, как тяжело носить маску, когда внутри всё разрывается.

— Почему ты мне это говоришь? — спросила она.

— Потому что ты не смотришь на меня, как на игрушку, — сказал он. — Ты смотришь на меня, как на человека. И я хочу, чтобы ты знала меня настоящего. Даже если это страшно.

Она молчала. Внутри неё боролись страх и желание открыться. Она хотела сказать ему, что тоже носит маску. Что она тоже боится.

— Расскажи мне о чём-нибудь хорошем, — сказала она вместо этого. — Чтобы я не думала о плохом.

Он задумался на мгновение, а потом начал рассказывать о том, как однажды играл на набережной ночью, когда никого не было, и как луна отражалась в воде, и как ему казалось, что он играет для всего мира. Его голос стал мягче, почти мечтательным, и Рита чувствовала, как напряжение отпускает её.

Они говорили до поздней ночи. Он рассказывал ей о своей матери — о том, как она улыбалась, когда он играл на гитаре, о том, как она верила в него, когда никто не верил. Она слушала его, и внутри неё росло что-то тёплое и пугающее одновременно.

— Ты знаешь, — сказал он, когда часы на стене показали половину третьего, — ты первый человек, с которым я могу говорить о чём угодно. Ты не осуждаешь, не даёшь глупых советов. Ты просто слушаешь.

— Ты тоже, — ответила она, и голос её стал тише. — Ты первый, кому я захотела открыться. Даже если я ещё не готова.

Она слышала, как его дыхание стало ровнее.

— Я буду ждать, — сказал он. — Сколько понадобится.

Рита закрыла глаза, чувствуя, как усталость накрывает её. Она не заметила, как провалилась в сон, но проснулась утром с телефоном в руке, на котором всё ещё горел экран с именем «Денис Ковалевский».

Она поднесла трубку к уху и услышала его ровное дыхание. Он не повесил трубку. Он слушал, как она спит, и не прерывал связь.

— Денис? — прошептала она.

— Я здесь, — ответил он, и его голос был сонным, но тёплым. — Я всегда здесь.

Она улыбнулась, чувствуя, как внутри неё разливается странное тепло.

— Спасибо, — сказала она. — За эту ночь.

— Спасибо тебе, — ответил он. — Ты даже не представляешь, что ты для меня значишь.

Она не нашла слов, просто улыбнулась в трубку и прошептала:

— Спокойной ночи, Денис.

— Спокойной ночи, Маргарита.

Она положила трубку, но долго ещё лежала, глядя в потолок, и внутри неё жило ощущение, что мир уже никогда не будет прежним. И это ощущение было не страшным, а почти счастливым.

Глава 8. Поцелуй, который разбил тишину

Она проснулась с телефоном в руке и улыбкой на лице. Это было так необычно, что Рита на мгновение замерла, глядя в потолок, и попыталась понять, почему ей так легко. А потом вспомнила — его голос, его дыхание в трубке, его слова: «Ты — первый человек, с которым я могу говорить о чём угодно».

Она перевернулась на бок и посмотрела на экран телефона. Разговор длился почти четыре часа. Он отключился только под утро, когда она уже спала. В последнем сообщении, которое она не заметила, было написано: «Спасибо, что была рядом. Я не забуду эту ночь никогда».

Рита прижала телефон к груди и закрыла глаза. Внутри неё всё пело, но где-то на задворках сознания голос страха шептал: «Это слишком хорошо. Слишком быстро. Ты снова позволишь себе верить, и снова разобьёшься».

Она заставила себя встать, умыться, одеться. Бабушка, как всегда, заметила перемену и улыбнулась в усы, но ничего не сказала. Только сунула Рите в рюкзак бутерброд и пожелала удачи.

В университете Рита искала его взглядом. Она заглядывала в аудитории, всматривалась в толпу студентов на первом этаже, но его нигде не было. Сердце сжалось от тревоги. Он же сказал, что поедет к отцу на выходные, но сегодня понедельник, и он должен был вернуться.

Она написала ему: «Ты вернулся?»

Ответ не приходил. Она ждала десять минут, потом двадцать, потом полчаса. Тишина. Рита чувствовала, как внутри нарастает тревога. Она пыталась убедить себя, что он просто занят, что у него телефон разрядился, что с ним всё в порядке. Но её воображение рисовало самые страшные картины.

Лекция по дифференциальным уравнениям началась, и она села на своё обычное место, стараясь сосредоточиться, но буквы перед глазами расплывались. Она смотрела на телефон каждые две минуты, но он молчал.

Когда лекция закончилась, Рита вышла в коридор и столкнулась со старостой их группы, Ильёй. Высокий, добродушный парень с вечно взлохмаченными светлыми волосами, он всегда был приветлив с ней, хотя они редко общались.

— Маргарита, ты чего такая кислая? — спросил он, заглядывая ей в лицо. — Выглядишь так, будто всю ночь не спала.

Она хотела сказать, что всё в порядке, но он уже обнял её за плечи, дружески, по-товарищески.

— Держись, — сказал он. — Если что, мы с ребятами всегда поможем. Ты только скажи.

Рита неловко улыбнулась и уже хотела отстраниться, как вдруг почувствовала чей-то взгляд. Она повернула голову и замерла. В конце коридора стоял Денис. Он смотрел прямо на неё, и его лицо было мрачным, как грозовое небо. В его глазах горела злость, смешанная с болью.

Он шагнул к ним, и его шаги гулко отдавались в коридоре. Рита видела, как он сжал кулаки, и инстинктивно шагнула назад, освобождаясь от объятий Ильи.

— Денис, подожди, я могу объяснить, — начала она, но он уже подошёл.

Он схватил её за руку, резко притянул к себе и впился в её губы грубым, почти злым поцелуем. Она почувствовала его запах, его силу, его гнев, и внутри неё всё перевернулось. Это было не нежно, как она себе представляла. Это было требовательно, собственнически, почти больно.

Она попыталась оттолкнуть его, но он сжал её запястья, прижимая к стене. Его язык проник в её рот, и она почувствовала, как её тело немеет от ужаса. Перед глазами замелькали дру-

гие картинки — другой мужчина, другие руки, другой запах. Тот самый, которого она боялась всю свою жизнь. Табак. Дешёвый табак и лак для волос. И голос, шепчущий: «Ты же хочешь этого, Марго».

Она оттолкнула его с силой, которой в себе не ожидала. Замахнулась и ударила его по лицу. Удар был сильным, звонким, в тишине коридора он прозвучал как выстрел.

— Не трогай меня! — закричала она, и голос её сорвался на истерику. — Ты не имеешь права прикасаться ко мне!

Он отшатнулся, и в его глазах мелькнуло удивление, а затем — осознание того, что он перешёл черту. Но Рита уже не видела его. Она не видела ничего.

Воздух исчез. Она пыталась вдохнуть, но лёгкие не слушались. Сердце колотилось так быстро, что она боялась, что оно остановится. Она упала на колени, обхватив себя руками, и начала задыхаться. В ушах звенело, перед глазами мелькали чёрные точки. Она слышала свой собственный крик, но не могла понять, откуда он исходит.

— Рита! — услышала она голос Дениса, испуганный, срывающийся. Он опустился рядом с ней и попытался прикоснуться к ней, но она отдёрнулась.

— Не трогай меня! — закричала она снова, и её крик эхом разнёсся по коридору.

Она с трудом поднялась, игнорируя его руку, и побежала. Она бежала, не разбирая дороги, вниз по лестнице, через вестибюль, на улицу, где холодный ветер ударил ей в лицо, прогоняя панику. Она добежала до скамейки у входа, села и, уткнувшись лицом в ладони, дала волю слезам.

Она плакала долго, пока слёзы не иссякли. Она чувствовала себя грязной. Как в тот день, когда она выбежала из кабинета учителя музыки. Как в тот день, когда вся школа узнала её имя.

Её телефон завибрировал. Она посмотрела на экран: «Денис Ковалевский». Она сбросила звонок. Через минуту пришло сообщение: «Рита, прости меня, пожалуйста. Я был дураком. Я не должен был так поступать. Позволь мне объяснить».

Она не ответила. Она убрала телефон в карман и пошла домой, чувствуя себя разбитой и опустошённой. Внутри неё было только одно желание — спрятаться, забыться, перестать чувствовать.

Дома она закрылась в своей комнате, села на кровать и долго смотрела в стену. Внутри неё бушевала буря — гнев, разочарование, страх. Она думала о том, как он поцеловал её, как его руки сжали её запястья, и ей становилось плохо. Снова. Опять. Она снова стала жертвой чужой силы.

«Ты снова ошиблась, — сказала она себе. — Ты снова дала слабинку, и тебя снова использовали. Учитель, теперь он... они все одинаковые».

Но где-то глубоко, под слоями боли и гнева, она слышала его голос, который говорил, что он просит прощения, что он признаёт свою ошибку. Она хотела верить ему, но не могла.

Она взяла телефон и написала ему:

«Ты переступил черту. Я думала, ты другой, но ты такой же, как все. Я не хочу тебя видеть».

Ответ пришёл через минуту:

«Я знаю, что переступил. Но ты не знаешь всей правды. Я ревновал, я боялся потерять тебя. Я не умею просить прощения, но я учусь. Пожалуйста, дай мне шанс. Я не буду прикасаться к тебе, пока ты сама не позволишь. Просто дай мне сказать».

Рита смотрела на экран, и пальцы её дрожали. Она хотела удалить это сообщение и забыть, но не могла. Внутри неё шла борьба между страхом и тем, что говорило ей: «Может быть, он правда осознал свою ошибку?»

Она не ответила. Она легла на кровать и уставилась в потолок, чувствуя, как мир вокруг неё рушится и собирается заново.

На следующее утро она пришла в университет с красными глазами и твёрдым намерением избегать его. Она проходила мимо того места, где он обычно стоял, и не смотрела в его сторону. Но он не искал её. Он просто стоял у стены с таким видом, будто его самого только что раздавили.

И когда она проходила мимо, он сказал тихо, почти шёпотом:

— Я буду ждать, сколько понадобится.

Рита не остановилась. Она пошла дальше, чувствуя его взгляд на своей спине. И внутри неё, где-то в самом тёмном уголке души, зарождалась надежда, что он сдержит слово.

Но сейчас она не могла простить его. Она не могла забыть, как он взял её силой, не спросив разрешения. Она не могла забыть, как это напомнило ей о самом страшном дне в её жизни.

Она шла по коридору, сжимая кулаки, и думала о том, что, возможно, любовь — это не для неё. Что она слишком сломана, чтобы верить.

Но где-то внутри, в самой глубине, голос шептал: «А что, если он правда изменится? Что, если ты дашь ему шанс?»

И она не знала, что ответить.

Глава 9. Там, где умирают мечты

Она не спала третью ночь. Тело гудело от усталости, глаза горели, но как только она закрывала веки, перед ними вставала картина: его лицо, его губы, впивающиеся в её, его руки, сжимающие её запястья. И этот звук — глухой, тягучий, от которого у неё перехватывало дыхание. Она лежала на спине, глядя в потолок, и слышала, как за окном завывает ветер, как редкие машины проезжают по мокрому асфальту, и как её собственное сердце стучит где-то в ушах.

Она повернулась на бок, обхватила себя руками и зажмурилась. Тьма сгустилась, и в этой тьме начали проступать образы — тусклые, размытые, как старая плёнка. Она не хотела туда идти. Она знала, что будет больно. Но она не могла сопротивляться. Флэшбэк накрыл её, как волна, утягивая вниз, в самое тёмное прошлое.

Сцена первая. Школа. Ей пятнадцать.

Она тогда была другой — живой, звонкой, с распущенными тёмными волосами, которые падали на плечи, и с улыбкой, которая появлялась, стоило ей заговорить о музыке. Она пела с детства, и голос её был чистым, высоким, способным брать такие ноты, от которых мурашки бежали по коже.

В её школе не было музыкального кружка, но был учитель, который вёл факультатив по вокалу. Его звали Андрей Викторович. Ему было под сорок, он был высоким, худощавым, с тёмными глазами и мягким голосом. Он носил очки в тонкой оправе и всегда пах дешёвым табаком и одеколоном «Маэстро». В то время она думала, что это аромат успеха и зрелости.

Он заметил её сразу. На первом же занятии он попросил её спеть, и когда она запела, он не сводил с неё глаз.

— У тебя дар, — сказал он, когда она закончила. — Ты особенная, Марго.

Она покраснела, опустила глаза. Никто никогда не говорил ей таких слов. Её мать уехала, отец был вечно занят, и бабушка, конечно, хвалила её, но это было не то. А Андрей Викторович смотрел на неё так, будто она была редким сокровищем.

Он стал оставлять её после уроков. Говорил, что ей нужно больше практики, что у неё большой потенциал. Она приходила в его кабинет, где стоял старый рояль, и они занимались. Он садился рядом, поправлял ей дыхание, касался её плеча, чтобы она расслабилась.

— Ты слишком напряжена, — говорил он. — Дыши глубже. Чувствуй музыку.

Она чувствовала. И его тепло тоже.

С каждым днём его прикосновения становились дольше. Сначала плечо, потом спина, потом шея. Он говорил, что так она расслабляет голосовые связки, что это необходимо для чистоты звука. Ей было шестнадцать, она была наивна и влюблена в его внимание.

— Ты мне нравишься, Марго, — сказал он однажды, когда они остались одни в классе. — Ты не такая, как все девочки. В тебе есть глубина. Ты взрослая не по годам.

Она чувствовала, как сердце её колотится. Она думала, что это любовь. Что он видит в ней что-то особенное, что он ждал её всю жизнь.

Но потом всё изменилось.

Она пришла в кабинет, когда уже стемнело. За окном было темно, в коридорах школы горели только дежурные огни. Он сидел за роялем и играл что-то грустное. Когда она вошла, он повернулся и улыбнулся.

— Закрой дверь, — сказал он.

Она закрыла. Он встал, подошёл к ней и положил руки ей на плечи. Пальцы его сжались чуть сильнее обычного.

— Ты такая красивая, — сказал он, и его голос был глуше, чем обычно. — Я не могу больше сдерживаться.

Она почувствовала, как по телу пробегает холод. Что-то в его взгляде изменилось, и это было пугающим.

— Что вы... — начала она, но он уже притянул её к себе и поцеловал в губы.

Она замерла, не зная, что делать. Его поцелуй был мокрым, навязчивым, и она чувствовала вкус табака и кофе. Она попыталась отстраниться, но его руки сжали её запястья.

— Тихо, тихо, — прошептал он. — Ты же хочешь этого, Марго. Ты же специально остаёшься после уроков. Ты знаешь, что я к тебе чувствую.

— Нет, — выдохнула она, пытаясь вырваться. — Я не хочу, пожалуйста...

Он зажал ей рот ладонью, прижал к стене. Она чувствовала, как его пальцы скользят по её телу, и внутри неё всё кричало от страха.

— Если ты кому-то расскажешь, — прошептал он, — я скажу, что ты сама ко мне лезла. Что ты развратная девочка, которая пыталась соблазнить учителя. Мне поверят. А ты будешь опозорена.

Она не могла дышать. Она смотрела в его глаза, и в них не было ничего человеческого — только животная похоть и страх быть пойманным.

И в этот момент за дверью послышались шаги. Кто-то шёл по коридору, и он отшатнулся. Она вырвалась, выбежала из класса и бежала, пока не рухнула на пол в туалете, заливаясь слезами.

На следующий день она не пришла в школу. Она сидела дома, дрожа, и не могла есть. Но через два дня её вызвали на педсовет. Андрей Викторович стоял в кабинете директора и говорил:

— Она сама ко мне лезла. Я просто пытался помочь ей с вокалом, а она начала приставать ко мне. Я не знаю, что на неё нашло. Она ещё ребёнок, ей нужна помощь.

И директор, старый, уставший человек, поверил ему. Потому что он был взрослым, а она — девочкой. Потому что он был учителем, а она — ученицей.

Она попыталась кричать, что это ложь, но никто не слушал. Через неделю вся школа знала, что Маргарита Ветрова пыталась соблазнить учителя музыки. Ей подсовывали записки с оскорблениями, рисовали на доске непристойные картинки, смеялись за спиной.

И она стояла на балконе своей квартиры на девятом этаже, глядя вниз на асфальт. Она думала: «Если я прыгну, всё закончится. Боль закончится».

Её спасла бабушка. Она подошла сзади, обняла её своими старыми руками и сказала:

— Не смей, Ритка. Не смей. Ты сильная. Ты справишься. Я с тобой.

И она оттащила её от перил, заставила жить дальше.

Рита открыла глаза. Она лежала в своей кровати, и слёзы текли по её щекам. Она не заметила, как начала плакать. Она снова пережила это — каждое слово, каждое прикосновение, каждый взгляд. И боль была свежей, будто это случилось вчера.

Она села на кровати, обхватив колени руками, и уставилась в стену. В голове проносились обрывки его слов: «Я не буду прикасаться к тебе, пока ты сама не позволишь». «Я буду ждать, сколько понадобится».

И внутри неё, где-то под слоями боли и гнева, затеплилась искра. Она не знала, можно ли ему верить. Она не знала, сможет ли она когда-нибудь доверять мужчинам. Но она знала одно: он не такой, как учитель. Он не убегал от ответственности. Он признал свою ошибку и просил прощения.

Она взяла телефон. На экране было его сообщение: «Я буду ждать, сколько понадобится».

Она написала:

«Я не готова тебя простить. Но я готова попытаться. Если ты готов ждать, пока я не перестану бояться».

Ответ пришёл через минуту:

«Я буду ждать вечность, Рита. Только дай мне шанс».

Она улыбнулась сквозь слёзы и положила телефон. Внутри неё всё ещё была боль, но теперь к ней примешивалось что-то новое — надежда, такая хрупкая, что она боялась дышать, чтобы не разбить её.

Она легла на подушку и закрыла глаза. В этот раз сон пришёл быстрее. И в нём не было кошмаров. Только музыка, которую он играл для неё, и свет, который пробивался сквозь тучи.

Она проснулась утром и почувствовала, что может дышать. Она встала, умылась, оделась и пошла в университет. Она не знала, что скажет ему, когда увидит. Но она знала, что не будет прятаться. Она будет смотреть ему в глаза. И она попробует понять, кто он на самом деле.

Глава 10. Дождь, который смысл всё

Прошло три дня с того момента, как Рита написала ему. Три дня она носила в себе этот ответ, перечитывая его снова и снова, пытаясь понять, правильно ли она поступила. Она дала ему шанс, но сама ещё не была готова его видеть. Она не знала, что скажет, когда увидит его. Она не знала, сможет ли смотреть ему в глаза без страха.

Он не давил. Он не писал, не звонил, не появлялся в университете. Он дал ей пространство, и это было одновременно облегчением и болью. Она хотела, чтобы он был рядом, но боялась его близости. Она хотела верить ему, но внутри неё всё ещё жил страх, который не уходил.

Вечером третьего дня начался дождь. Сначала мелкий, моросивший, а потом — настоящий ливень, который обрушился на город, смывая с улиц грязь и листья. Рита сидела на кухне, смотрела в окно и слушала, как капли барабанят по стеклу. Внутри неё было пусто и тоскливо.

Бабушка уже ушла спать, и в квартире было тихо. Рита держала в руках чашку с остывшим чаем, но не пила — просто согревала ладони. Она смотрела на тёмное небо и думала о нём. О том, как он стоял у стены в коридоре и говорил: «Я буду ждать, сколько понадобится».

Она закрыла глаза, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. Она не знала, сколько ещё сможет держаться. Она не знала, сможет ли когда-нибудь забыть его поцелуй — грубый, навязчивый, который напомнил ей о самом страшном дне в её жизни.

Но она также не могла забыть его голос, когда он говорил о своей матери. Не могла забыть, как он ждал её в кофейне. Не могла забыть, как он сказал: «Я не такой, как ты думаешь».

Она встала, подошла к окну и выглянула на улицу. И замерла.

Он стоял под фонарём в самом центре двора. Мокрый до нитки, с поднятым воротником куртки и взлохмаченными волосами. Он не прятался от дождя, не пытался укрыться. Он просто стоял и смотрел вверх, на её окно.

Рита почувствовала, как сердце её пропустило удар. Она стояла у окна, глядя на него, и не знала, что делать. Часть её хотела выбежать к нему, укрыть его от дождя, спросить, зачем он пришёл. Другая часть — та, старая и напуганная — кричала: «Не выходи! Это ловушка! Он снова сделает тебе больно!»

Она смотрела на него, и слёзы текли по её щекам. Она не знала, сколько времени прошло. Минуты, часы — она потеряла счёт. Он стоял под дождём, не двигаясь, и его фигура становилась всё более размытой в потоке воды.

Она не выдержала.

Рита накинула куртку, сунула ноги в мокрые кроссовки и выбежала на улицу. Она выскочила из подъезда и остановилась под дождём, глядя на него. Он увидел её и шагнул навстречу. Расстояние между ними сокращалось, и она чувствовала, как каждая клетка её тела кричит: «Остановись», — но ноги несли её вперёд.

— Что ты здесь делаешь? — крикнула она, стараясь перекрыть шум дождя. — Ты промокнешь до нитки!

— Я знаю, — ответил он, подходя ближе. — Я ждал тебя. Я не мог уйти, пока не увижу тебя.

— Зачем? — она подошла к нему, и дождь заливал её лицо, но ей было всё равно.

— Чтобы сказать, что я дурак, — сказал он, и голос его дрожал от холода. — Я переступил черту. Я причинил тебе боль. Я не имел права делать то, что сделал. И я не прошу тебя простить меня сейчас. Я просто хочу, чтобы ты знала: я буду ждать, сколько понадобится. Пока ты не перестанешь бояться меня. Пока ты не сможешь быть рядом. Я буду ждать всегда, если нужно.

Рита смотрела на него, и её глаза наполнились слезами. Она видела его мокрое лицо, его дрожащие руки, его испуганные глаза. И внутри неё что-то сломалось. Стена, которую она строила четыре года, дала трещину.

— Ты простудишься, — сказала она, и голос её сорвался. — Иди домой, Денис.

— Не уйду, — сказал он. — Пока ты не скажешь, что даёшь мне шанс. Я буду стоять здесь всю ночь. Я уже стоял три дня под твоими окнами, но ты не выходила.

— Ты стоял три дня? — переспросила она, и её голос дрогнул.

— Да. Каждый вечер. Я хотел подойти, но боялся, что ты прогонишь меня. А сегодня я понял, что не могу больше ждать.

Рита стояла под дождём, и вода смешивалась со слезами на её щеках. Она смотрела на него, и впервые за четыре года она не видела в мужчине угрозы. Она видела человека, который боялся потерять её так же сильно, как она боялась доверять.

Она сделала шаг вперёд и, не думая, протянула руку, чтобы коснуться его мокрого лица. Он замер, когда её пальцы скользнули по его щеке.

— Ты дурак, — прошептала она.

— Я знаю, — ответил он.

— Ты мог просто позвонить.

— Я боялся, что ты не ответишь.

Она смотрела в его глаза, и они были такими же мокрыми и несчастными, как и весь он. И в этот момент она поняла, что больше не хочет убегать.

— Иди за мной, — сказала она, взяла его за руку и повела в подъезд.

Они поднялись на её этаж. Внутри квартиры было тепло и уютно. Бабушка, услышав шум, выглянула из своей комнаты, увидела мокрого гостя и сразу всё поняла.

— Иди в ванную, быстро, а то простынешь, — сказала она, не задавая вопросов. — Я принесу полотенце.

Денис послушно пошёл, оставляя за собой мокрые следы. Рита помогла ему снять куртку, и пока он вытирался, она ждала его в прихожей, чувствуя, как сердце её колотится.

Когда он вышел, уже переодетый в сухую футболку, которую дала бабушка, они сели на кухне. Бабушка поставила перед ним чашку горячего чая и ушла в свою комнату, оставляя их наедине. Она знала, когда нужно дать им пространство.

Рита сидела напротив него, глядя, как он сжимает чашку дрожащими руками. Она чувствовала, как между ними повисает та самая тишина, которая бывает только между двумя людьми, которые пережили слишком много, чтобы говорить о пустяках.

— Ты замёрз? — спросила она, нарушая молчание.

— Немного, — он улыбнулся, но улыбка была слабой. — Но это того стоило.

Она протянула руку и накрыла его пальцы своими. Он замер, глядя на их соединённые руки.

— Денис, — сказала она тихо, — я не знаю, смогу ли я когда-нибудь полностью доверять тебе. Но я хочу попробовать. Я хочу дать тебе шанс. Только, пожалуйста, не нарушай моих границ. Если я скажу «нет» — это значит «нет».

Он поднял на неё глаза, и в них была такая искренность, что у неё перехватило дыхание.

— Я обещаю, — сказал он. — Я не прикоснусь к тебе, пока ты сама не захочешь. Только, Рита... я хочу быть рядом. Не в смысле... — он запнулся, — я хочу быть твоим другом. Твоим защитником. Кем угодно, лишь бы ты была в моей жизни.

Она смотрела на него, и внутри неё разливалось тепло. Она не знала, будет ли всё хорошо. Она знала только одно: сейчас, в этот момент, она чувствовала себя в безопасности.

— Хорошо, — сказала она. — Давай попробуем.

Он сжал её руку в ответ, и в его глазах зажглась надежда.

Они сидели на кухне, пока дождь за окном стихал. Они говорили о простых вещах — о том, что им нравится, о том, что их волнует. Он рассказал ей, что бросил бизнес-школу, чтобы заниматься музыкой, и что отец лишил его финансовой поддержки. Она слушала и чувствовала, как между ними исчезает последняя стена.

Когда дождь почти прекратился, она сказала:

— Тебе пора идти. Уже поздно.

Он кивнул, встал и надел куртку. У двери он остановился и повернулся к ней.

— Рита, — сказал он, и голос его был серьёзным, — я хочу, чтобы ты знала: я не сдамся. Я буду бороться за тебя, сколько понадобится. Ты — лучшее, что случилось со мной.

Она не нашла слов. Она просто шагнула вперёд и обняла его. Он обнял её в ответ — осторожно, боясь причинить боль. И она чувствовала, как его сердце бьётся рядом с её сердцем.

Он ушёл, оставляя за собой запах дождя и тепла. Рита закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, чувствуя, как внутри неё распускается что-то новое. Надежда, такая хрупкая, но такая настоящая.

Она взяла телефон и написала ему:

«Спокойной ночи, Денис. Я рада, что ты пришёл».

Ответ пришёл через минуту:

«Спокойной ночи, Маргарита. Я рад, что ты позволила мне остаться».

Она улыбнулась и, впервые за долгое время, уснула с чувством, что завтра будет новый день. И что этот день принесёт что-то хорошее.

Глава 11. Дружба, которая пахнет надеждой

Прошло две недели с той ночи, когда Денис стоял под её окнами в проливной дождь. Две недели, которые изменили всё.

Рита больше не пряталась от него. Она больше не переходила на другую сторону коридора, не сбрасывала его звонки, не делала вид, что его не существует. Она позволяла ему быть рядом — осторожно, на расстоянии, но позволяла. Она не знала, куда это приведёт, но она перестала убегать.

Они встречались почти каждый день. Он ждал её после лекций, и они вместе шли в библиотеку или в ту самую кофейню, которая стала их местом. Иногда они просто сидели в парке, молчали или говорили о пустяках. Она чувствовала, как его присутствие становится для неё привычным, как его голос перестаёт вызывать панику, как его улыбка заставляет её сердце биться быстрее.

И это пугало её.

Она боялась, что привыкнет к нему. Боялась, что позволит себе поверить, что он — тот самый, кто не причинит ей боль. И каждый раз, когда она чувствовала, что её стена начинает давать трещину, она напоминала себе: он — мажор, он — король университета, он привык получать всё, что хочет. А она — просто очередная победа, очередная ступенька в его игре.

Но он не играл.

Он был терпеливым, внимательным, почти робким. Он не пытался прикоснуться к ней без разрешения, не задавал вопросов о прошлом, не требовал объяснений. Он просто был рядом, и этого было достаточно, чтобы она начала верить, что, возможно, он действительно другой.

В пятницу, после последней пары, он подошёл к ней в коридоре. Она стояла у окна, перебирая конспекты, и не заметила, как он приблизился. Его голос раздался у самого уха, и она вздрогнула от неожиданности.

— Рита, — сказал он, и она почувствовала его дыхание на своей шее. Она резко обернулась и увидела его улыбку — ту самую, мягкую, почти мальчишескую, которая делала его неотразимым.

— Ты меня напугал, — сказала она, чувствуя, как её сердце колотится. — Что ты здесь делаешь?

— Я хочу тебя кое-куда пригласить, — сказал он, и в его голосе была та особая интонация, которая появлялась у него, когда он говорил о чём-то важном. — Не свидание, — поспешно добавил он, увидев её напряжённый взгляд. — Просто прогулка. В парк. На улице сегодня тепло, и я подумал, что тебе не помешает отдохнуть от книг.

Она посмотрела на него, и внутри неё боролись страх и желание. Она знала, что должна сказать «нет». Что она должна держать дистанцию, не давать ему повода думать, что он может пробить её стены. Но его глаза смотрели на неё с такой надеждой, что она не могла отказать.

— Хорошо, — сказала она, и эти слова удивили её саму. — Но только как друзья. Никаких намёков, никаких попыток приблизиться.

— Как друзья, — эхом повторил он, и улыбнулся той самой улыбкой, которая делала его почти мальчишеским. — Обещаю.

Они вышли из университета, и весенний воздух ударил в лицо теплом и запахом цветущих деревьев. Город просыпался после долгой зимы, и солнце заливало улицы мягким золотым светом. Рита чувствовала, как напряжение, которое она носила в себе все эти дни, постепенно отпускает её. Она шла рядом с ним, и ей казалось, что мир становится светлее.

Парк был полон людей. Смеялись дети, бегали собаки, влюблённые парочки сидели на скамейках, обнявшись. Она смотрела на них и чувствовала укол зависти. Она тоже хотела быть

такой — свободной, счастливой, не боящейся любви. Но она не знала, сможет ли когда-нибудь перестать бояться.

— О чём ты думаешь? — спросил он, нарушая тишину.

— О том, как люди могут быть счастливыми, — ответила она, не глядя на него. — Я смотрю на них и не понимаю, как они это делают. Как они доверяют друг другу, не боясь, что их предадут.

— Они просто верят, — сказал он. — Иногда это единственное, что остаётся. Просто верить, что человек рядом — не враг.

— Я разучилась верить, — сказала она, и её голос дрогнул. — Я хочу, но не могу. Слишком страшно.

Он остановился и повернулся к ней. Она видела, как его лицо становится серьёзным, как в его глазах загорается та искренность, которую она так боялась увидеть.

— Рита, я не прошу тебя верить мне сейчас, — сказал он. — Я просто прошу тебя дать мне время. Позволить мне быть рядом. А там будет видно.

Она смотрела на него, и внутри неё что-то дрогнуло. Она хотела сказать что-то колкое, прогнать его, но слова застряли в горле. Вместо этого она просто кивнула и пошла дальше.

Они шли по аллеям парка, и он рассказывал ей о своих первых шагах в музыке. О том, как в пятнадцать лет тайком от отца купил свою первую гитару на деньги, которые копил год. О том, как мать, узнав об этом, не стала ругать его, а только улыбнулась и сказала: «Играй, сын. Твоя душа говорит через струны».

Она слушала его, и внутри неё росло что-то тёплое. Она видела, как его глаза загораются, когда он говорит о музыке, как его голос становится мягче, почти мечтательным. И ей хотелось слушать его бесконечно.

— А ты? — спросил он, когда они остановились у старого дуба, раскинувшего свои ветви над озером. — Что любишь делать, когда не читаешь книги?

Она задумалась. Она не привыкла, чтобы кто-то интересовался её увлечениями. Она привыкла быть невидимой, растворённой в своих книгах и формулах.

— Я... я хотела петь, — сказала она, и голос её дрогнул. — Когда я была маленькой, я пела везде. На уроках, дома, на улице. Бабушка говорила, что у меня есть талант. Но потом... — она запнулась, чувствуя, как комок подступает к горлу, — я перестала.

— Из-за того, что случилось? — спросил он тихо, не настаивая, давая ей пространство.

Она кивнула, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. Она не хотела плакать, но слова рвались наружу, как вода через плотину.

— Когда он сказал всем, что это я хотела его, мне стало казаться, что весь мир смотрит на меня и видит только грязь. Я перестала петь, потому что боялась, что мой голос будет напоминать мне о нём. Что он испортил даже это. Что я больше никогда не смогу быть той, кем была.

Он смотрел на неё, и в его глазах была такая боль, будто он сам пережил это. Он не говорил банальных слов утешения, не говорил, что всё будет хорошо. Он просто слушал, и этого было достаточно.

— Он не испортил твой голос, Рита, — сказал он, и в его голосе была твёрдость. — Он не имел права. Ты должна петь. Ты должна вернуть себе ту часть себя, которую он украл. Если ты позволишь, я могу помочь тебе. Я играю на гитаре, а ты пой. Только попробовать. Один раз.

Она посмотрела на него, и внутри неё что-то перевернулось. Она не знала, сможет ли она. Она не знала, хватит ли у неё смелости. Но в его глазах была такая вера в неё, что она не могла отказаться.

— Я попробую, — прошептала она. — Но не обещаю, что у меня получится.

— Ты уже сделала главное, — сказал он. — Ты согласилась.

Они пошли дальше, и тишина между ними была наполненной, тёплой. Она чувствовала, как её страх тает, как она начинает доверять ему, даже не замечая этого. Она шла рядом с ним, и ей казалось, что она делает первый шаг к чему-то новому. К чему-то, что она так долго искала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.